

Часть первая

ДОЦЕНТ ТРОФИМОВ

Глава 1

Тайны привлекают всех

Ленинград, 1974 год, май

День выдался на удивление солнечным и теплым — ни тучки, ни ветерка. Трофимов никогда никуда не опаздывал, и сейчас имел запас в десять минут, на всякий непредвиденный «авось». Походка у него неспешная, уверенная, именно такая и должна быть у солидного, известного ученого. Со времени, когда он вприпрыжку бежал на работу в Эрмитаж, много воды утекло. Тот Ванюша Трофимов, который носил широкие китайские штаны, клетчатые шведки и темные очки в пластмассовой оправе, растворился в реке времени, неумолимо стремящейся в бесконечность и где-то там, в неправдоподобно пугающем далеке, с грохотом закручивающейся и падающей в страшный бездонный водоворот какой-нибудь космической черной дыры. У него была хорошая фантазия и отличное воображение, и он отчетливо представлял, как пыль Вселенной: метеориты, астероиды, обломки планет и ракет, искусственные спутники, детали орбитальных станций, межзвездные корабли с разумными гуманоидами и прочий космический мусор крутятся в циклопическом водовороте и проваливаются в непостижимое человеческому разуму чрево мироздания. Откуда ему, Ивану Родионовичу Трофимову, приветственно машет рука или нечеловеческая когтистая лапа... Бр-р-р-р!

Такого, конечно, не может быть в понятном, материалистическом мире, в котором живет советский ученый. Но факты — упрямая вещь! Он идет читать лекцию из дома — фешенебельной четырехкомнатной квартиры на Арсенальной набережной — такие квартиры не у каждого академика есть, а ему, с подачи профессора Афористова, дали сразу после за-

щиты кандидатской, да он еще и выбирал: на набережной или на Смольной... А ведь они с Ириной снимали однушку и стояли в очереди на жилье под номером три тысячи какой-то там, словом, дай Бог к пенсии достаяться... Афористов, конечно, как-то связан с ... с тем, чье имя нельзя произносить: то ли он служит истинному хозяину перстня, то ли тот, иногда, говорит его устами и управляет его телом... С точки зрения диалектического материализма, это, конечно, полная ерунда, но защита диссертации чуть было не сорвалась, и именно вмешательство Афористова исправило дело! И это не единственный момент, когда некая «третья сила» вмешивалась в его жизнь и помогала ее выправить в нужную сторону... Да вот, взять хотя бы последний случай: вдруг позвонили из Политиздата и предложили переиздать кандидатскую монографию, только у той тираж был четыреста экземпляров, а теперь отпечатают сто тысяч! Да еще в центральном политическом издательстве страны! И делать ему ничего не надо: книга уже сверстана, и предисловие профессора Афористова написано, остается только договор подписать! Кто и когда получал такое предложение?!

Трофимов гонит глупые мысли — он уже не молодой человек, недавно окончивший ВУЗ. Ровные соломенные волосы, когда-то жесткие, как проволока, развеял... нет, не бурный вихрь удовольствий, как принято говорить в таких случаях, и которым он, в общем-то, был чужд, а промчавшиеся в заботах и напряженной работе годы. Расчески уже не ломались, и волшебник парикмахерского дела Митрич легко делал укладку, преобразующую постоянного клиента. Теперь лицо не казалось круглым, а уж тем более никому бы не пришло в голову назвать его «простоватым». Даже залысины удачно маскировались, как будто их вовсе и нет совсем!

Конечно, возраст берет свое — он набрал килограммов двадцать весу и уже не походил на художавого «эмэнэса»¹, каким был когда-то. Зато теперь Иван Родионович выглядел по-профессорски: очки-хамелеон, темно-синий, в едва заметную светлую полоску финский костюм, итальянский галстук, портфель из крокодила, штиблеты, отражающие небо

¹ МНС — младший научный сотрудник.

полированной кожей, одеколон, пугающий чирикающих на асфальте родных воробьев чуждым иноземным ароматом... Такие вещи в магазинах не продаются, только у спекулянтов по баснословным ценам, а он привез все из командировок, в которые простые люди тоже так запросто не ездят... Правда, до профессора он не дорос: пока ходит в доцентах, но еще шажок-другой — и докторская степень с профессорским аттестатом окажется в кармане...

Трехэтажное желтое здание философского факультета, с узкими окнами и остроконечным фонарем на крыше, сохранило неистребимый облик гостиного двора, который некогда в нем и располагался. У входа толпились студенты и, вместо того чтобы до хрипоты спорить, что все-таки первично — материя или сознание, болтали о какой-то чепухе, смеялись, курили, назначали свидания, ели пирожки с повидлом и ливером, тем самым отдавая предпочтение все-таки материальному. Но перед ним они расступались, прятали сигареты и еду за спину и почтительно здоровались.

Тугая дверь с грохотом захлопнулась за спиной, отрезая обычный мир, живущий по обыденным, житейским законам. Здесь все было по-другому — возвышенно, научно и идеологично. В конце концов, здесь изучали жизнь и пытались понять ее смысл. В вестибюле висели плакаты — справа: «Марксистко-ленинская философия — билет в поезд к коммунизму!» а слева: «Коммунизм это молодость мира, и его возводить молодым!» Строго говоря, плакаты друг другу противоречили, ибо правый обещал студиям комфортабельную доставку в уже готовое прекрасное будущее, а левый отправлял на стройку, где это самое будущее придется возводить горящими от трудовых мозолей руками...

Впрочем, может быть, первый обещал преференции не всем, а только отличникам? Или, вдобавок, активным общественникам? А скорей всего, никакого противоречия тут нет, а есть обычная для привычных людей и недоступная широким массам диалектика, которую выпускники и будут этим самым массам разяснять...

В широком светлом коридоре попался навстречу толстый зам декана Поплавский, тот мог разяснить кому угодно и что угодно, хотя сам, несомненно, уже обзавелся

билетом в мягкий вагон того самого поезда. Впрочем, сейчас ему было не до разъяснений, он даже не заметил Трофимова, так как озабоченно вился вокруг сопровождаемого мужчины со строгим лицом, в отечественном костюме и норовящем свернуться в трубочку галстуке. Несмотря на эти небольшие огрехи в гардеробе, незнакомца хотелось назвать не просто «мужчиной», а казенно-официальным словом «гражданин». И совершенно очевидно, что он тоже имеет свой билет, причем, может быть, даже не на поезд, а в самолет! Уж больно старательно и нервно вьется возле него Поплавский: то хочет взять под локоток, но в последний миг отдергивает руку, приблизится вплотную — и вдруг шарахнется в сторону, приотстанет на полшага, но, спохватившись, забегает вперед, будто показывает дорогу...

«Как рыба-лоцман, сопровождающая акулу», — подумал Трофимов, но тут же забыл об этом, настраиваясь на предстоящую лекцию. Он зашел на кафедру, поздоровался со стучащей на машинке лаборанткой Танечкой, поставил портфель на свой стол, причесался перед зеркалом, протер просветлевшие в помещении стекла очков, взял портфель и вновь вышел в коридор. Танечка проводила его недоуменным взглядом: и зачем заходил?

Молодая еще, глупая... Как зачем? За тем же, зачем самолет садится на своем аэродроме перед боевым вылетом: дозаправиться, пополнить боекомплект, получить координаты цели, а главное — настроиться на то, что предстоит впереди... И сейчас он уже не просто шел по длинному широкому коридору, а разбежался по взлетке, держа курс на лекционную аудиторию, где предстоит поразить боезапасом накопленных знаний сотню целей: неискушенные души молодых людей, ждущих от него чего-то запретного, интересного, этакой «клубнички», которой надо, вопреки этим ожиданиям, избежать. Уж больно скользкая у него сегодня тема, можно упасть и сломать ногу. А то и голову!

— Вот и вы, наконец! — Поплавский уже летел обратно и чуть не угодил лысой головой ему в солнечное сплетение: теперь доцент не заметил заместителя декана, а не наоборот, это было уже полным нарушением университетской субординации!

— Только что говорили о тебе с Иваном Ивановичем! Он тоже не одобрил такой аншлаг! — Поплавский обвел рукой вокруг. — У нас же не театр! И не цирк!

Действительно, здесь редко царило такое оживление. Студенты толпились в коридоре, сидели на широких подоконниках, гул их молодых голосов наполнял старинное здание и разносился эхом под арочными сводами.

— Говорят, он с нечистым дружит, и тот исполняет все его желания! — шептала подружке стройная брюнетка в очках, похожая на стрекозу из басни Крылова. — Вот бы его загарпунить — и наплевать на распределение в сельскую школу!

— Ничего себе! — прыснула пухленькая рыжая подружка. Она была похожа на Винни Пуха. — Нашла кого гарпунить! Он же старый!

— Много ты понимаешь! — надула губы стрекоза. — Посмотри, какой костюмчик, какой портфельчик...

— Вот, пожалуйста! — сказал Поплавский, будто нашел подтверждение своим претензиям.

Ни он, ни Трофимов не могли разобрать в общем гуле конкретных разговоров, но оживление, царившее в коридорах философского факультета, было столь же противоестественным, как тишина и чопорная сдержанность вокруг цирковой арены.

— А кто такой этот Иван Иванович? — поинтересовался Трофимов.

— Кто, кто! Куратор наш новый, вот кто! Специально пришел тебя послушать!

— Какой «куратор»?

— Узнаешь! «Философский пароход» помнишь?

— Какой еще пароход?

— Что ты заладил: какой да какой! На котором почти вся наша кафедра уплыла! Иди лучше, чтобы не опоздать, и лишнего не болтай, хватит! Я подниму вопрос об изъятии из тематического плана твоей мистической чепухи! К ней у начальства всегда много вопросов!

Замдекана покати́лся дальше по коридору, как бильярдный шар. Сбитый с боевого настроения Трофимов двинулся дальше. Новость про куратора его озаботила. Особенно с учетом того, что тот пришел слушать персонально его!

Погруженный в неприятные раздумья, он прошел мимо большого объявления: «Состоится открытая лекция доцента Трофимова И. Р. «Артефакты мировой религии: мифы и реальность»».

— Идёт! — донёсся сбоку звонкий юношеский голос. Подоконники моментально опустели, и будущие строители коммунизма устремились в лекционный зал. Сегодня свободных мест там почти не было: кроме философов, у которых лекция стояла в расписании, пришли юристы, филологи, инязовцы, и даже математики с физиками. Наиболее предусмотрительные заняли места за полчаса до начала, а остальные втискивались, утрамбовывая коллег, садились прямо на ступеньки в проходах между рядами и теснились у стен.

Звонок прозвенел как раз в тот момент, когда лектор, пропустив всех желающих, последним вошел в зал и плотно закрыл за собой дверь. Студенты шумно вскочили, несколько молодых людей даже заплодировали.

— Не нужно! — предостерегающе поднял руку Трофимов, обводя аудиторию взглядом. — Я же не артист. Присаживайтесь!

Он заметил, что в середине поднимающегося вверх амфитеатра, у прохода сидел тот самый Иван Иванович, который и не думал вставать, а испытующе рассматривал доцента, постукивая ручкой по раскрытому перед ним блокноту. Трофимов открыл свой черный портфель, вынул текст лекции, которую знал наизусть, но которая, по методическим требованиям, обязательно должна быть у преподавателя. Потом привычно занял место за трибуной.

— Несколько лет назад я защитил кандидатскую диссертацию, разоблачающую мифы, связанные с историями, описанными в теологической литературе и противоречащие научному атеизму и материалистической диалектике. Основные положения этой диссертации постараюсь сейчас до вас донести, — начал Трофимов специально для Ивана Ивановича: пусть знает, что он не отсебятину несет, а повторяет содержание научной работы, одобренной в «инстанциях», в том числе и на самом высоком уровне. Но тот, для кого он старался, ничего не записал, продолжая буравить его пронизывающим взглядом.

— Есть ряд артефактов, которым приписывается прямое отношение к легендам, в основном теологического характера, что вполне объяснимо — именно на Библии основаны большинство легенд... Таковы «Копье судьбы», «Туринская плащаница», «Перстень Иуды», — привычно катился лектор по гладкой, хорошо наезженной дороге. Он успокоился, голос набрал наступательную громкость и убедительную тональность.

— При ближайшем рассмотрении связь этих предметов с легендами не подтверждается, в чем я смог убедиться, работая в Эрмитаже и изучая так называемый перстень Иуды, который оказался простым украшением из первых веков нашей эры...

В зале царил тишина, сотни глаз внимательно рассматривали Трофимова. Стрекоза улыбалась загадочной улыбкой, Иван Иванович сохранял высокомерную невозмутимость, но остальная аудитория явно ждала чего-то более интересного. А квалифицированный лектор не должен обманывать ожидания слушателей. Трофимов выдержал многозначительную паузу.

— И все-таки не самым обычным украшением, — интригуяще объявил он.

Физические и химические свойства перстня поставили в тупик исследователей. Тайна металла и камня не разгаданы до сих пор — в таблице Менделеева нет аналогичных элементов!

Аудитория оживилась, по рядам прошел шепот и тут же смолк. Только Иван Иванович что-то пометил в своем блокноте. Трофимов напрягся: главное не перегнуть палку!

— Но эта загадка из числа тех, которые десятками разгадывают наши ученые! Лично я думаю, что древний мастер мог сделать кольцо из упавшего метеорита, и тогда все становится на свои места! Уверен, через несколько лет тайна кольца получит убедительное научное объяснение! Впрочем, уже сейчас я могу объяснить вам многие заблуждения...

Трофимов поднял руку, как полководец, призывающий к вниманию застывшие перед ним боевые шеренги.

— Да, экспертиза показала, что перстень изготовлен в первом веке нашей эры! Да, на нем действительно выгравировано

имя Иуды! Это дает основание считать, что он действительно принадлежал историческому персонажу! Подчеркиваю — не библейскому антигерою, а именно простому человеку: Иуде Искарियोу, уроженцу иудейского города Кириафа! Имя, распространенное в то время и на тех территориях, так что объяснение это вполне реалистично!

Вдохновение подхватило Трофимова, и вознесло на мощных крыльях фантазии туда, где дуют стремительные ветры истории, теперь он как бы летел над веками и странами, наблюдая внизу то, о чем рассказывает...

1799 год, Египетский поход Наполеона. Люсьен Годе, тогда еще поручик, получивший из рук менялы серебристый перстень с овальным черным камнем необычной огранки, потом Годе в оккупированной Москве, он уже приближенный к Наполеону генерал, и Бонапарт снимает с его пальца кольцо, награждая им графа Опалова, донесшего на поджигающих столицу патриотов... А вот племянник графа — приехавший из провинции неимущий юноша Бояров, проигравшийся в карты и заложивший перстень князю Юздовскому, известному собирателю живописи и антиквариата. Из-за перстня между Бояровым и Юздовским произошла ссора, состоялась дуэль, и провинциал, первый раз взявший в руки пистолет, метким выстрелом поражает опытного дуэлянта... Перстень переходил из рук в руки: после Боярова он попал к писарю Третьего отделения Рутке и дошел до гражданской войны, уголовного Седого и сотрудника ОГПУ Визжалова...

Трофимов рассказывал захватывающе, но удерживался в рамках вполне естественных объяснений. Он похвалил себя за то, что умело обошел миф о библейском происхождении и мистических свойствах перстня, которые были чужды материалистической диалектике. И некоторые связанные с ним события, которым сам был свидетелем, тоже не упоминал. И конечно, оставил без внимания тот факт, что обладатель перстня вначале возносился на гребне удачи, а потом падал в бездну мучительной гибели...

Слушали его внимательно. Тихо шелестела бумага конспектов, девушки, блестя глазами, пытались отыскать на лице лектора следы потусторонней тайны, Иван Иванович резкими движениями черкал что-то в своем блокноте...

Когда Трофимов замолчал, в аудитории стояла мертвая тишина. В ушах у доцента звенело, он не различал студентов, только белые пятна над сиденьями амфитеатра, сердце колотилось, как будто он действительно пронесся сквозь двадцать веков!

Тяжело дыша, он постепенно приходил в себя. Лица приобретали индивидуальные черты, словно на фотографии в кювете с проявителем, постепенно возвращались и звуки.

— А где сейчас этот метеоритный перстень? — вдруг спросила практичная Стрекоза. Исторические перипетии прошедших веков ее не заинтересовали, другое дело — конкретная антикварная вещица, желанная на самых крупных мировых аукционах!

— Гм... — Трофимов встряхнул головой. — Несколько лет назад он похищен из экспозиции Эрмитажа, при этом был убит сторож музея. Есть предположение, что перстень находится в криминальном мире... Но в этом печальном событии нет ничего мистического... Хотя, конечно, преступления тоже порождают немало слухов! Есть еще вопросы?

Прямо напротив него из среднего ряда поднялся щуплый юноша в очках — Воскресов, его дразнили брюсовской фразой: «юноша бледный со взором горящим». Невзрачную внешность он с лихвой компенсировал дерзостью: пока остальные тянули вверх руки, он просто встал и задал не один вопрос, а целую кучу! И все они оказались для Трофимова неожиданны и не очень приятны.

— Правда ли, что перстень обжигал руки тем, кто ему не нравился? — громким, хорошо поставленным голосом спрашивал Воскресов. — Правда ли, что ваш напарник был обожжен, а потом его растерзал лев, точь-в-точь такой, как изображен на перстне? Правда ли, что перстень влияет на судьбы людей?

На наезженной дороге неожиданно обнаружили ухабы и коварные выбоины. Благополучную карету лекции затрясло, как бы не перевернуться...

— Знаете ли, — немного растерянно произнёс Трофимов, соображая, как лучше уйти от опасных ответов. — Бывают, знаете ли, такие совпадения ... И молва обычно чув-

ствительна к ним... Как следствие, рождаются преувеличения и домыслы...

Он вскинул руку и демонстративно посмотрел на часы, давая понять, что уже некогда давать развернутые ответы. Но до звонка еще целых пять минут. Иван Иванович рассматривал его, приподняв правую бровь, будто целился. Трофимов вздохнул.

— Больше нет вопросов? — в голосе прозвучала надежда.

— Разрешите? — вскочила с первого ряда незнакомая девушка, видно с другого факультета. В элегантном коричневом, с белыми узорами свитере, выглядела она старше среднестатистической студентки: вьющиеся каштановые волосы до плеч, греческий нос, сильно накрашенные глаза, большой рот, тонкие губы... Вроде бы ничего особенного, но симпатичная. А взгляд какой-то вызывающе откровенный, за гранью приличия...

«Бл... кий!» — классифицировал Трофимов. Возможно, он использовал не философский и не исторический термин, но довольно точный.

Не писаная красавица, она явно обладала особой привлекательностью, той, что притягивает мужчин, как пчёл запах клевера, и не только притягивает, но и заставляет совершать необдуманные поступки.

— Пожалуйста! — сказал Трофимов.

— Тридцать сребренников — это много или мало? — она улыбнулась, и улыбка вышла такой же, как и взгляд.

Трофимов пожал плечами.

— Сребренник — это тирский серебряный шекель, он весил 14 граммов и стоил вдвое больше, чем обычный шекель — 4 динария. Таким образом, 30 Тирских шекелей — это 120 динариев. Цена невинной невесты составляла 200 динариев, на нее бы этой суммы не хватило, но вдову можно было купить за сотню, — Иван Родионович улыбнулся, показывая, что шутит, но девушка осталась серьезной. Он тоже согнал с лица неуместную улыбку.

— Римский воин должен был служить за эти деньги два с половиной года, — продолжил он. — Баран стоил 8 динариев, теленок 20, вол — 100–200... Так что это приличные деньги!

— Это много или мало? — повторила незнакомка.

— Оценочные категории не действуют вне конкретных обстоятельств. За что много? Или за что мало?!

— За то самое!

— «То самое» стоило от ста шекелей! — выкрикнул с места Воскресов. — Поэтому хваленый римский воин мог довольствоваться только овцой!

Аудитория взорвалась смехом, и тут же прозвенел спасительный звонок.

— Лекция окончена, спасибо за внимание! До свидания!

Студенты потянулись к выходу. Некоторые подошли, окружили лектора плотным кольцом. Кто-то хотел взять автографы на распечатках его автореферата или просто на листках бумаги. На авторефератах Трофимов расписывался, на листках нет:

— Принесете мою монографию, я с удовольствием поставлю подпись!

Некоторые просто задавали вопросы:

— А правда, что перстень исполняет желания?

— Вы держали его в руках? И что чувствовали?

— А настоящий Иуда был на самом деле?

Вяло отвираясь, Трофимов открыл портфель и с видом крайней занятости стал переключать бумаги в ожидании, пока освободится проход — выходить раньше слушателей он считал неприличным. Наконец, зал опустел. Лишь девушка, задававшая вопросы, стояла у его стола, явно не собираясь уходить. Выглядела она эффектно: обтягивающая короткая юбка подчёркивала изящество фигуры и высоко открывала длинные ноги в дымчатых колготках.

— Слушаю вас! — сказал Трофимов мягче, чем обычно.

— Я корреспондент газеты «Вечерний Ленинград», — улыбнулась она. — Лена Еремина.

— Еремина?! Так это вы пишете скандальные статьи и раздуваете дешёвые сенсации?! Экстрасенсы, телепатия и все такое?

Она улыбнулась

— Я действительно пишу о малоизученных явлениях, еще не объясненных наукой. Вы делаете то же самое, только в устной форме...